

По сравнению с растерянностью Лю Чи, Хо Цунцзин выглядел еще более взволнованным.

Он поставил кашу на стол, затем быстро подошел к Лю Чи, заключил его в объятия и мягко объяснил:

— Я не собирался оставлять тебя здесь одного, просто думал, что ты хочешь еще немного поспать. Не сердись на меня...

Как странно.

Лю Чи растерянно позволил обнять себя за голову, растерянно чувствовал, как тот гладит его по волосам и целует в лоб.

Что за отношение у Хо Цунцзина? Он что, принимает меня за ребенка?

Даже детей так не балуют!

Откуда Хо Цунцзин мог знать, о чем тот думает? Вчера Лю Чи не произнес в его объятиях ни слова, а лишь безудержно плакал, напугав его до полусмерти. Хо Цунцзин выложил все ласковые слова, какие знал, пока Лю Чи наконец не выплакался и не уснул от усталости.

Хо Цунцзин едва не лишился рассудков от пережитого. Сейчас он был готов назвать Лю Чи хоть своим предком, лишь бы тот больше не устраивал ему истерик.

Немного пришедший в себя Лю Чи молча оттолкнул его, чувствуя, что перед Хо Цунцзином у него и впрямь не осталось ни капли стыда.

Однако, заметив тревожный взгляд, с которым Хо Цунцзин уставился на него, Лю Чи не знал, что и сказать. Он почесал растрепанные длинные волосы и тихо произвел:

— Мне уже лучше.

В общем, виноват не я, виновата болезнь.

Хо Цунцзин испугался его взгляда. Когда он сообразил в чем дело, розовый бутончик оказался прямо у него перед лицом — стоило лишь чуть повернуть голову, и можно было коснуться его губами.

Ладно уж.

Хотя он только что спасовал, то, что должно было снова обрести твердость, тут же вскинулось.

Вчера Хо Цунцзин был слишком занят заботой о здоровье Лю Чи и ничего не замечал, но сейчас, пока он помогал ему одеваться, те два маленьких розовых бутончика так и мелькали перед его глазами.

Хо Цунцзин с усердием подкладывал еду в ложку, которую держал Лю Чи. Глядя на то, как тот лениво сидит в кресле и попивает кашу, он чувствовал к нему еще большую симпатию и между делом предложил:

— Пойдем со мной, проживешь у меня, как тебе?

Лю Чи вовсе не заботили такие мелочи, к тому же поутру голова соображала лучше. Он надавил Хо Цунцзину на затылок:

— У меня рука повреждена, неудобно, шевелись сам.

Нежный, на вид совершенно мягкий, на вкус он действительно оказался мягковат.

Лю Чи вздохнул и, словно покоровшись судьбе, опустил голову, приказав командным тоном:

— Помоги мне одеться.

Хо Цунцзин все еще отчаянно сопротивлялся соблазну перед самым носом, как вдруг Лю Чи ухватил его за шкуру.

Хо Цунцзин поспешно принялся помогать ему одеваться: с одной поврежденной рукой Лю Чи и впрямь было неудобно делать многие вещи.

Хо Цунцзин спасовал.

Лю Чи приподнял брови и крайне недовольно ущипнул его за затылок:

— Это ты меня ублажаешь или я тебя? Чего ты вечно суетишься?

Лю Чи снова вздохнул, протянул правую руку, обвил его шею и резко притянул голову Хо Цунцзина к своей груди.

— Раз так сильно нравится, смотри поближе.

Когда он наконец добрался до каши, та уже немного остыла.

Но Хо Цунцзин по-прежнему вел себя так, будто возится с ребенком — причем с капризным и невероятно сложным в обращении.

— Нет, давай сначала...

Хо Цунцзин сглотнул слюну и через силу улыбнулся, отказываясь:

— Я помогу тебе одеться, поешь каши, ты ведь вчера почти ничего не ел...

Лю Чи лишь бесстрастно опустил взгляд на него.

В конце концов, горшок с кашей был плотно накрыт крышкой, и за полчаса она бы не остыла.

Однако Хо Цунцзин не потерял рассудок: он робко поднял глаза на Лю Чи, страшно боясь, что тот снова начнет капризничать.

Лю Чи закатил глаза и ничего не ответил.

Но Хо Цунцзин понимал, что Лю Чи вряд ли согласится, и сменил тему:

— Тогда ступай хотя бы к Князю Жуй. Во всяком случае, сможешь отсюда убраться.

Раньше сопротивляться было невозможно, но теперь Двенадцатый принц получил титул, и Лю Чи больше не было нужды оставаться здесь.

— Я уйду, но к двенадцатому не собираюсь. Мне нужно держаться от него подальше, иначе это повредит его репутации, — медленно произнес Лю Чи.

Хо Цунцзин хотел было бросить: «Да осталась ли у этого парня вообще какая-то репутация?», но молча проглотил эти слова — в конце концов, вся «дурная слава» Двенадцатого принца происходила исключительно из-за того, что он путался с Лю Чи.

К тому же из-за того, что Генерал, подавляющий Восток каждый день бегал в Башню Ветра и Луны, дурная слава Лю Чи разнеслась с новой силой.

— И куда же ты собрался? — спросил он.

— Не скажу, — фыркнул Лю Чи, и в этом звуке слышалось что-то вроде каприза.

Где уж Хо Цунцзину было устоять перед его капризами — он тут же позволил себя провести.

Императорский Дворец.

Император сидел в беседке, перебирая в пальцах сливу. Наблюдая издали за резвящимися и смеющимися младшими принцами и принцессами, он с улыбкой обратился к стоявшему за спиной Государственному наставнику:

— Сегодня утром приходил принц Чэн, просил об одном деле. Угадай, о чем?

Обычно в Императорском Саду детей почти не встречалось. У императора было слишком много наследников, и на всех не хватало его скудной отцовской нежности, так что появляться на глаза императору в таких обстоятельствах означало лишь навлекать на себя гнев.

Но в последнее время у императора один за другим умерли несколько сыновей, и он захотел поиграть в любящего отца и сыновей — вот детей в Императорском Саду вдруг и прибавилось.

— Чую, дело в свадьбе наследника князя Чэна, — ответил Сун Лэшань.

— Верно, — кивнул император, не сводя глаз с резвящихся принцев и принцесс. — Здоровье наследника всегда было слабым, принц Чэн явился ко мне и заявил, что ты нагадал наследнику судьбу: мол, для изгнания злых духов и улучшения здоровья ему нужно жениться на ком-то с подходящим гороскопом...

Тут император наконец перевел взгляд на Сун Лэшань и с полуулыбкой произнес:

— Только вот в суженые ты ему насчитал мужчину.

Сун Лэшань стоял потупившись, с опущенными руками. Будь на его месте кто-то другой, он бы уже пал на колени, вымаливая прощения за преступление, но ему это было не нужно.

Потому что император ни за что на свете не причинил бы ему вреда.

Кто станет своими руками укорачивать себе жизнь на десяток лет?

— Да, — прямо признал Сун Лэшань. — Лю Чи и наследник... всё вышло до того случайно, что я и сам не ожидал.

Император усмехнулся, отвернулся и снова уставился на детей:

— И принц Чэн туда же — надо же было в это поверить и явиться ко мне с просьбой уладить дело...

— Полагаю, дело вовсе не в легкомыслии принца Чэна, — тихо промолвил Сун Лэшань. — Просто здоровье наследника уже на исходе, а отец, терзаемый родительской любовью, готов испробовать любые средства.

Эти слова как нельзя лучше пришлись по сердцу императора, у которого сейчас всю играли отцовские чувства. Помолчав немного, он кивнул:

— Ты прав. Забота принца Чэна о наследнике и впрямь требует немалых душевных сил.

О том, что принц Чэн души не чает в своем сыне, знали все. Здоровье наследника хромало с малых лет, и в былые годы принц Чэн даже выпросил у императора придворного лекаря, чтобы тот прислуживал исключительно наследнику.

Немного помолчав под дуновением ветерка, император словно что-то вспомнил и произнес:

— Помнится мне, тот мальчишка, Лю Чи, всегда был в прекрасных отношениях с Двенадцатым...

Сун Лэшань стоял за его спиной, на его лице застыла кроткая улыбка.

Император прекрасно помнил Лю Чи — чрезвычайно умного и выдающегося юношу. Хоть последние два года Лю Чи и не появлялся во Императорском Дворце, слухи о его делах с Двенадцатым принцем неизменно доходили до императорских ушей.

— И надо же, куда ни сунется, везде переполох устроит, — император с улыбкой покачал головой, после чего вновь посмотрел на Сун Лэшань. — Принц Чэн приходил ко мне вовсе не из-за свадьбы. Он хочет, чтобы я вернул Лю Чи в Поместье маркиза Юнчана.

Даже если наследник князя Чэна берет в жены мужчину, тот никак не может быть бродяжкой из лупана.

Продажным девкам и юношам не дозволено становиться законными женами. Как ни поднимай им статус, как ни отмывай репутацию, простолюдин с таким прошлым, выходя замуж за чиновника, может рассчитывать разве что на положение наложника. Тем более что статус наследника князя Чэна стоял неизмеримо выше любого сановника.

Поэтому Лю Чи не мог быть мальчиком по вызову. Он обязан был оказаться благородным сыном наследственного маркиза Юнчана.

И Лю Чи действительно был родным сыном маркиза Юнчана.

Принц Чэн лишь желал, чтобы император официально закрепил это положение — в конце концов, никто в Поднебесной не заставил бы аристократа из числа основателей династии склонить голову, кроме самого императора.

— Разве Вашему Величеству не хочется возвращения Лю Чи в Поместье маркиза Юнчана? — спросил Сун Лэшань.

Император презрительно хмыкнул, откусил кусочек от зажатой в пальцах сливы и бросил:

— Думаешь, я стану потакать их баловству?

В глазах любого это выглядело чистой воды фарсом, к тому же, если бы всё удалось, выгода Лю Чи как главного бенефициара бросалась бы в глаза слишком сильно.

С какой стати Сыну Неба подыгрывать чужим безумствам?

— А мне кажется, Вашему Величеству стоило бы дать добро, — тихо произнес Сун Лэшань.

Император снова откусил сливу и невнятно пробормотал:

— Говори.

— Слушаюсь.

Сун Лэшань сделал шаг вперед, сохраняя прежний покорный вид, и пояснил:

— По моему разумению, Вашему Величеству подобает согласиться по трем причинам.

Во-первых, разумеется, это родительская любовь принца Чэна. Ваши отношения с принцем Чэном всегда были ровными и теплыми, и согласие станет проявлением милосердия Вашего Величества, понимающего отцовское сердце.

Император прищурился, понимая, что это лишь официальная версия для внешнего мира.

— Во-вторых, род маркиза Юнчана — потомственные аристократы. Возмнив о себе невесть что лишь потому, что к их титулу прилагается приставка о передаче из поколения в поколение, они распустились и успели насолить многим. Преподать им урок руками Вашего Величества —

как раз то, чего желают все вокруг.

В глубине души каждый знал, что император уже давно терпеть не может эту шайку старой аристократии. Часть из них передошил еще прежний государь, другую часть зачистил уже нынешний, и древних родов почти не осталось — маркиз Юнчан был как раз из их числа.

Унизить их лишний раз император был только рад.

— В-третьих, стойте Лю Чи лишь воссоединиться с Поместьем маркиза Юнчана, а затем вступить в брак с Резиденцией князя Чэн, как он навсегда забудет о всяких связях с Двенадцатым принцем.

В груди императора что-то дрогнуло.

Это и был самый важный довод из всех трех.

На данный момент Двенадцатый принц привлекал его внимание сильнее прочих сыновей: лицом он уродился донельзя похожим на самого императора, в Министерстве финансов справлялся со всеми делами блестяще. Император даже позволил ему съехать из дворца и даровал титул, ожидая лишь, когда тот обзаведется женой — и лучше всего то, что за Двенадцатым принцем не стояло никаких влиятельных кланов по материнской линии.

Ни один император на свете не любит сильную родню со стороны императрицы или наложниц.

Двенадцатый принц казался безупречным во всех отношениях, и единственным пятном на его репутации оставалась эта грязь вокруг Лю Чи.

А теперь перед императором открывалась возможность начисто смыть это пятно. Стоило Лю Чи превратиться в отпрыска маркиза и стать законной супругой наследника князя Чэна, как все пересуды и сплетни замкнутся исключительно на тройке участников: Лю Чи, маркизе Юнчана и принцепсе Чэна. Любовные грехи маркиза и муж-простолудин наследника князя Чэна станут отличной пищей для разговоров, не затрагивая больше Двенадцатого принца.

По крайней мере, на людях никто больше не осмелится попрекать Лю Чи его прошлым в Башне Ветра и Луны — для Двенадцатого принца этого было более чем достаточно.

Император, разумеется, не желал, чтобы его любимый сын якшался с мальчиком по вызову.

Он бросил недоеденную косточку на блюдо, взял у стоявшего рядом главного евнуха платок, вытер руки, и на его лице вновь расцвела улыбка. Он позвал:

— Хэ Хунси!

— Раб здесь.

— Ступай в Императорский Кабинет, я буду писать указ.